

Дмитрий Рябоконт

Рябоконт Дмитрий Станиславович родился 15.02.1963 в городе Березовский Свердловской обл. в семье преподавателя. Окончил УрГУ (1985). Работал учителем в школе (1985–86), грузчиком и сторожем на меховой фабрике (1987–88), заведующим отделом литературы журнала инвалидов «Голос» (1991–92), продавцом в коммерческом ларьке (1992–96), охранником в загородном отеле, зам. главного редактора журнала «New Фаворит» (2003–2011), оператором паровых котлов (2012–2013). В 1988 г. вошел в группу «Интернационал». Печатается как поэт с 1989 г. Публиковался в журналах «Урал», «Литературный Екатеринбург», «EDITA» (Германия), во множестве сборников и альманахах. Автор сборника «Стихи» (Екатеринбург, 1999). Участник АСУП-1 в составе группы «Интернационал». Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов Д.Р.

Традиции, направления, течения: традиция русского музыкального шансона и так называемой «блатной» городской песни.

Основные имена влияния, переклички: С. Есенин, Б. Рыжий, авторы-исполнители «шансонных песен» – М. Круг, А. Северный.

Основные формальные приемы, используемые автором: антитеза, градация, внутрискрочный и внутрискрочный рефрен, уменьшительно-ласкательные словоформы, внутрискрочная парцелляция.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: ироническое переосмысление «кладбищенского» мотива; традиционные шансонные темы – свидание, отношения с пассией; экскурс в исторические темы; маринистический пейзаж.

Творческая стратегия: аудальный стих, рассчитанный на массовую рецепцию в «дружеском» кругу, с возможным привнесением элемента гитарного исполнения.

Коэффициент присутствия: 0,28

АВТОБИОГРАФИЯ

(по материалам интервью, записанного С. Ивкиным 09.08.2012)

Мои родители, и папа и мама, жили в городе Берёзовский. Учились в одной школе, в параллельных классах. Конечно, видели друг друга, но познакомились только в 10 классе. И, через несколько лет после окончания школы, поженились.

Я хочу рассказать, как мой папа попал на Урал. Мой папа родился на Украине. Когда началась война, ему было около четырех лет. Мой дед был призван в армию и воевал на Украине недалеко от своего дома. Это было на Криворожье. И почти сразу же он попал в плен. Концлагерь был недалеко от того места, где они жили. А моя бабушка – чистокровная немка, из криворожских немецко-колонистов – Ханна Мольдерф. Бабушка, поскольку она немка, прекрасно знала три языка – кроме русского, украинский и немецкий, как свои родные. Она пришла в этот концлагерь и деда моего забрала оттуда у немцев – они его отпустили. Это было в начале войны. А потом немцы стали свирепствовать. Моему деду пришлось скрываться. И он скрывался в простенке дома. В том доме, где они жили, было большое пространство между стенами, соединенное с погребом. И выходил мой дед, Иван Григорьевич Рябоконт, во двор свежим воздухом подышать только ночью. А потом, когда красные заняли село, деда вызвали в НКВД. И сказали: «Или мы тебя посадим и отправим в лагерь на Колыму, потому что ты был в оккупации, или сам поезжай туда работать». Мой дед по специальности – горняк, взрывник. Что ему еще в этой ситуации оставалось делать? Он «добровольно» поехал на Колыму, там взрывником и работал. Потом уже, в конце пятидесятых, при Хрущёве, они перебрались на Урал, в город Березовский. В Березовском были шахты, на которых добывали золото и каменный уголь. Вот так мой отец, вместе со своими родителями и младшим братом Леонидом, оказался на Урале. Его брат, мой дядя, Леонид Иванович, закончил стройфак УПИ. И сейчас, несмотря на то, что он давно уже на пенсии, продолжает там преподавать.

А моя мама – коренная березовчанка, русская. Так что во мне намешано три крови: и русская, и украинская, и немецкая. Но немец я только на четверть, по бабушке. Я до сих пор хорошо её помню. Она в 1970 году умерла.

Детские годы мои прошли в городе Берёзовском. Там, где мой отец, Рябоконт Станислав Иванович, и моя мама, Эльвира Сергеевна, встретились и поженились. Мой дедушка по материнской линии, Сергей Константинович Балакин, был меха-

Мама, Эльвира Сергеевна

ником. Всю войну прошел. Дошел до Берлина и на рейхстаге свой автограф оставил. У него – куча орденов и медалей, в том числе он – кавалер ордена Славы. Бабушка со стороны матери, Зинаида Дмитриевна, была учительницей начальных классов. До третьего класса я учился в Берёзовской школе. А в 1973 году моему отцу, кандидату исторических наук, доценту и преподавателю, дали квартиру в Екатеринбурге, на Фурманова, 46. Там был «преподавательский» дом. И мы всей семьёй переехали в Екатеринбург. Вместе с моей сестрой Аней. У моей мамы – незаконченное филологическое образование. Она в педагогическом институте училась. Но потом, когда я родился, институт бросила.

Несмотря на то, что я стал жить в Екатеринбурге, я каждое лето приезжал в Берёзовский. Меня туда очень тянуло, там была такая романтическая обстановка: лес, речка Шиловка. На Белоярку со своим дедом Иваном и с отцом часто на рыбалку ездил. Ночевали в палатке... В Березовском наш дом был на улице Загвозкина. А через соседнюю Восточную улицу находилось кладбище. Про это кладбище разные жуткие истории рассказывали, вроде детских страшилок или баек из склепа.

В восьмом классе некоторые мои одноклассники стали кропать стишки. И они показывали свои опусы учительнице по литературе. Я им страшно завидовал. И сам решил тоже попробовать

какие-нибудь стишки написать. Но у меня ничего не получалось. А написал я первое, более-менее внятное, стихотворение уже после того, как окончил школу, в июне 1980 года. Когда я сдавал вступительные экзамены в университет, на истфак, у меня из-за стресса неожиданно строчки потекли. Я не буду их приводить. Вот так я и начал постепенно писать стихи. Когда я уже учился на истфаке, на мое поэтическое восприятие мира очень повлияла еще и работа в Крымской археологической экспедиции в Херсонесе. Несколько раз туда ездил. С тех пор моя любимая преподавательница, сейчас уже профессор, доктор исторических наук – Алла Ильинична Романчук.

Пока я учился в университете, я не придавал своим стихам большого значения. Время от времени писал – в основном любовные и шуточные стишки. По-настоящему я начал писать стихи, серьёзно заинтересовался ими, когда познакомился с группой «Интернационал». Меня познакомил с этой поэтической группой Фёдор Еремеев, который долгое время работал главным редактором издательства УрГУ. Еремеев был моим соседом по «преподавательскому» дому. Он узнал, что я пишу стихи. И говорит: «Я знаю группу поэтов "Интернационал", они очень хорошие стихи пишут. Давай, я тебя с ними познакомлю». И познакомил в ноябре 1986 года. Там я и с Ройзманом познакомился, и с Юлей Крутевой, и с Салаватом Фазлитдиновым. А Михаил Выходец вошёл в нашу группу позже, году в 1988-м, летом.

Роман Тягунов формально в нашу группу не входил. Но он был очень близок «Интернационалу». Мы часто выступали вместе с ним на одних поэтических площадках, участвовали в одних и тех же поэтических конкурсах. Часто виделись. Тягунов был моим соседом по подъезду целых три года. Обо всем этом я рассказал в восьмом номере журнала «Урал» за 2012 год. Познакомились мы с Тягуновым в 1980 году, на Дне математика (меня с моим однокурсником Вадимом Орловым ребята с матмеха пригласили). И с 1980 года Рома – мой приятель.

Когда я учился в школе, нам на протяжении всех классов давали книги по внеклассному чтению, то есть, рекомендовали. Моя мама насильно усаживала меня в кресло и читала мне. Мне было не интересно, я всё время рвался на улицу, к друзьям. Я тогда вообще не любил читать. Только на первых курсах стал потихоньку читать стихи. Первыми поэтами, которых я читал, были Фет, Тютчев, Брюсов и Блок. Вот эти четыре поэта. Но от их эстетики я быстро отошёл. Когда я познакомился с «Интернационалом», там уже другие приоритеты были. Всех этих запрещенных и полупоэтических поэтов мы перепечатывали на пишущих машинках. И поэтому очень хорошо знаём их стихи. Все неизданные стихи Мандельшта-

ма мы перепечатывали для себя, всего Бродского, Галича. Мандельштам, Бродский и Галич – это те поэты, которые определяли наш вкус. Но потом блоковская нота ко мне стала постепенно возвращаться. Через Георгия Иванова.

Что касается литературной учёбы, я считаю, что литературные институты вообще вредны. Они ничего не дают, а только мешают поэту реализовать себя. Настоящий поэт до всего должен доходить сам. Но на раннем этапе каждому поэту необходимы какие-то клубы, где он находит людей, с которыми у него совпадают эстетические вкусы. Моим литературным наставником и человеком, кардинально изменившим мои литературные вкусы, стал Евгений Ройзман. Его мнение для меня очень много значит.

Поэты делятся на две категории. Есть те, у которых жизнь и поэзия – одно. А есть поэты, которые противопоставляют своё творчество своей работе. Я резко разграничиваю творчество и работу (имеется в виду та работа, на которой ты зарабатываешь деньги). Любая работа меня очень сильно напрягает и отвлекает от поэзии. Вместо того чтобы писать стихи и читать книжки, мы (я и почти все поэты) вынуждены заниматься всякой ерундой – просто чтобы на физическом уровне себя прокормить. Единственный плюс такой работы в том, что она тоже даёт поводы для стихотворений. Хотя поводов и без того хватает в жизни. Вот в окно посмотришь – уже повод для стихотворения. Там что-нибудь увидишь, чтобы написать. Так что работа мне только мешает.

Хочу немного рассказать о своей первой книге. Моя первая книга вышла в 1999 году, в издательстве «Уральский университет». Составляли её Евгений Касимов и Евгений Ройзман. Евгений Ройзман был также её издателем. Все помнят, что в 1999 году очень пышно и помпезно в нашей стране праздновался 200-летний юбилей Пушкина. Дозморов и Рыжий уехали на какой-то конгресс, посвящённый юбилею Пушкина, в Москву. И на этом конгрессе был Костырко (зав. отделом критики журнала «Новый мир»). Его Рыжий с Дозморовым очень хорошо знали. И вот они подсунули Костырко мою книжку со словами: «Если можно, пускай ваш журнал что-нибудь напишет про неё, – парню будет приятно» (т.е. – мне). А потом мне звонит Быков Леонид Петрович, наш профессор-филолог Уральского университета, и говорит: «Дмитрий, про вас «Новый мир» написал». Сначала я не поверил. Интернета у меня тогда не было. Поехал в «Белинку» (библиотеку имени Белинского), посмотрел. Моя книжка попала в раздел «Лучшие книги года» («Новый мир», № 11, 1999). Рядом с «Голубым салом» Сокурова.

Приоритет для меня – это разговорная речь, на которую я ориентируюсь. Что я в поэзии не выно-

Д.Р. с женой Людмилой, 2008 г.

шу? Не выношу заумь, герметичность, размытость смыслов, муть. Самое главное для меня – чтобы стихотворение схватывалось с первого раза. Ну, может, со второго. Ну, с третьего, на худой конец. Но чтобы разгадывать его, как кроссворд... Такого я не приемлю. Главное: поэт – это хранитель языка. Второе: поэту не надо искать трагедии. Его трагедия в том, что он – поэт. И третье (моя установка): мелких, неважных тем – нет. Весь мир для поэта – это повод для стихов.